

Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности

Ключевым понятием в теоретическом анализе региональной идентичности является пространство. Одним из факторов формирования идентичностей является дифференциация пространства, которая способствует появлению различных представлений об уникальных культурных традициях, сформированных на разных территориях.

Усиление непосредственного влияния географии на изучение политических процессов значительно увеличил интерес ученых в сфере общественных наук к пространству и расширил инструментарий политических исследователей в описании определения идентичности¹. Критериями определения пространственной идентичности мы выделим следующие: ощущение принадлежности к месту, символическая значимость места, образ места.

Основное население, проживающее на территории, представляет собой сообщество, объединенное общими представлениями, которые и являются основой территориальной идентичности. Эти представления формируются в процессе пространственного воображения, преобразования окружающей среды и накопления социального опыта. Большинство исследователей к основным характеристикам территориальной идентичности относят общность проживания, сознания и интересов, ощущение сплоченности и солидарности и формирующиеся на этой основе общие представления о территории². Российский политолог Н.Петров выделяет пять уровней территориальных идентичностей - локальный, субрегиональный, региональный, макрорегиональный, общенациональный³.

Понятие региональной идентичности предполагает в своей основе определение региона, который в пространственном отношении обозначает территориальное образование суверенного государства, занимающее промежуточное значение между государственным и местным уровнем⁴. Регион – территория, обладающая целостностью и совокупностью уникальных характеристик (которые присущи только ему), взаимосвязью составляющих его структур и отношений.

Российский географ М. Крылов отмечает, что формирование регионов объясняется “социокультурным выбором жителей соответствующих территорий”⁵, поэтому одна и та же территория может быть интерпретирована по-разному - регионом может быть и крупный город, административно-территориальная единица, совокупность административно-территориальных единиц или же историко-культурное пространство.

На наш взгляд наиболее удачным обоснованием связи понятий региона и идентичности является подход, которого придерживается российский политолог А. Макарычев. Он рассматривает регионы “как “живые”, социально и интеллектуально

¹ См., например: Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. - СПб.: Алетейя, 2003; Замятина Н.Ю. Модели политического пространства // Полис. - 1999. - №4. - С. 29-41; Новиков А.В. Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. - Вып. 13. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. - С. 84-95; Смирнягин Л.В. Культура русского пространства // Космополис. - №2. - Зима 2002/2003. - С. 50-59.

² Об операнализации различных территориальных идентичностях см. работы: Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политэкс. - 2008. - №4.; Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. - 1998. - №4; Deacon B. The reformulation of territorial identity: Cornwall in the late eighteenth and nineteenth centuries. – Open University, 2001. - Chapter 1. Identity and territory. – URL: http://www.exeter.ac.uk/cornwall/academic_departments/huss/ics/documents/Chapter1.pdf

³ Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению. – URL: http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/Petrov.pdf

⁴ Minichbauer R. Regional Strategies On Spatial Aspects of European Cultural Policy. – 2004. – URL: <http://eipcp.net/policies/minichbauer1/en>

⁵ Крылов М. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) // Логос. - 2005. - №46. - С.285.

конструируемые пространства”, а региональную идентичность объясняет “чувством принадлежности”, набором добровольно разделяемых норм и ценностей, приверженностью определенным процедурам”⁶.

Наиболее распространенные описания идентичности связаны с:

- влиянием физического пространства (природный ландшафт, климат) на региональное сознание, общее миропонимание жителей и представления об общности на территории.

- символическим освоением и репрезентацией пространства, закреплением региона с помощью установления границ и формирования ментальной карты, в ходе чего происходит “символическая” связь жителей с пространством и формирование сообщества⁷.

- историей освоения культурного и социального регионального пространства, сопровождаемой анализом ценностно-окрашенных и эмоциональных представлений (например, “первичная родина” (“отечество”)⁸, “малая родина”, территория проживания отдельного этноса или народа (зачастую – коренного)), а также коллективной истории (нарративы об освоении культурного и социального регионального пространства) и особенностей региональной культуры¹⁰. На основе этого формируются представления об уникальности и самобытности региона.

- общими ценностями (такими как региональная гордость и патриотизм) с акцентом на динамике влияния культуры на формирование регионального самосознания и политические действия и установками по отношению к своему месту проживания: качество жизни, инфраструктура, образование, здравоохранение, работа, участие в общественной и политической деятельности, доступность культурных событий и т.д.

- различными региональными историями успеха (представления о будущем региона) - это могут быть истории об экономическом возрождении региона, о создании комфортных условий для жизни и работы в регионе. Формирование идентичности становится приоритетом региональной политики и социально-экономического развития, главной целью которых является повышение капитализации региона и привлечение инвестиций в регион (реализация культурных, социальных, спортивных проектов).

Таким образом, мы можем видеть, что в зависимости от исследовательского интереса, знаний о тех или иных процессах, контекста исследований региональная идентичность может быть рассмотрена в очень широком диапазоне тем: символического освоения пространства до региональной культуры, от ценностной основы закрепления социальной общности до использования региональной уникальности в прагматических политических целях элит.

Однако, большинство российских исследований региональной идентичности уделяют недостаточное внимание самому процессу формирования и конкурирующим дискурсам о

⁶ Макарычев А.С. Глобальное и локальное: Меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. – 2003. – № 3. – С.14.

⁷ См., например: Назукина М.В. Граница в дискурсе идентичности региональных сообществ России // Вестник Пермского университета. Серия “Политология”. - 2007. - №1. - С.11-17.

⁸ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – С.444.

⁹ Крылов М. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) // Логос. - 2005. - №46. - С.276.

¹⁰ См., например: Баранов А.В. Историческое сознание в контексте региональной идентичности и Юга России // Человек. Сообщество. Управление. - 2003. - №2-3; История края как поле конструирования региональной идентичности: материалы семинара / Под ред И.И. Курилы. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. - 120 с.; Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / Под ред. С. Рыженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой (при участии А.Кузьмина). – М., СПб.: ИГПИ: Летний сад, 2001. – 267 с.; Суханов В.М. О некоторых вопросах становления региональной идентичности в России // Вестник Башкирского государственного университета. - 2008. - №4. - С.1071-1079; Суханов В.М. Региональная политическая идентичность в современной России: идеологические, социокультурные и исторические основания. - Саратов: Издательский центр “Наука”, 2008. – 190 с.; Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион. - Пермь: Пушка, 2006. - 304 с.

региональной идентичности и ограничиваются рассмотрением символических форм при их недостаточной операционализации, анализируют региональное сообщество как единое целое без анализа данного сообщества как совокупности разных групп.

На наш взгляд мы можем выделить пять основных проблем при изучении формирования региональной идентичности:

Во-первых, концептуализация и операционализация основных рабочих понятий. Прежде всего, это само понятие региональной идентичности (социально разделяемые представления о границах сообщества, критериях принадлежности, которые формируют автостереотипы во времени и пространстве). Мы должны также обратить внимание на концепты, при помощи которых мы можем описать ее формирование и конструирование (к таким понятиям мы можем отнести символы, образы, нарративы и мифы). Здесь мы также должны определить субъектов, участвующих в конструировании (политическая и интеллектуальная элита), определении деятельности (ритуалы, дискурсы или практики), способ оценки этой деятельности (например, сравнение политики идентичности в разных регионах).

Во-вторых, выборка регионов, которая предполагает описание причин обращения исследователя к тому или иному региону. Также мы должны обратить внимание на то, что репрезентирует выборка (например, различные модели символической борьбы). Регион не всегда является сугубо административным образованием, он может выходить за рамки отведенных государством границ. Несколько регионов (административные единицы) могут быть объединены в мезорегион, обладающий с точки зрения воображаемой географии историко-культурными особенностями и объединяющий ряд территории в одно целое, имеющее общие исторические, экономические и политические параллели развития (например, Урал, Поволжье, Сибирь). Различные трактовки региона позволяют нам обратить внимание на тот факт, что идентичность российских регионов не всегда совпадает с административными границами. Однако “административная привязка региональной идентичности велика, что может свидетельствовать как о естественности территориально-государственного устройства России, представляющего собой, по сути, зоны влияния крупных центров, так и о вторичности РИ по отношению к административным структурам в условиях относительной долговременности последних и “загосударственности” общества”¹¹.

В-третьих, дизайн исследования (прежде всего сравнительного). Очень важно акцентировать внимание на критериях сравнения и описании гипотез.

На наш взгляд, наиболее успешной моделью изучения формирования региональной идентичности является динамическая модель, предложенная финским географом А. Пааси¹², которая позволяет выделить основные этапы процесса идентификации и определить способы восприятия и интерпретации с помощью символических механизмов. Преимуществами данной модели являются изучение формирования региона как политического, экономического, социального и культурного пространства, применение обширного концептуального аппарата (практики, дискурсы, ритуалы, институты, ментальная карта). Устойчивость региональных границ зависит от интегрированности различных переменных (идентичности, культуры, институциональной структуры, политической мобилизации, коллективной солидарности, административных границ, географического положения региона) и внутренней самодостаточности региона, что в совокупности будет способствовать успешному становлению и укреплению регионализма. Успешность воспроизводства региональной идентичности заключается в единстве оснований, которые воплощаются в социальных практиках (т.е. наборе последовательных действий во времени и пространстве),

¹¹ Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению. – URL: http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/Petrov.pdf

¹² Paasi A. Region and place: regional identity in question // Progress in Human Geography. - 2003. - Vol. 27, №4. - P. 475-485.

дискурсах, институтах, посредством чего возникает территориальная принадлежность (то есть место общей совместной жизнедеятельности). Эстонский географ Г. Раагмаа, продолжая традиции А. Пааси, предлагает сочетать и провести взаимодействие между различными географическими и социологическими концепциями региональной идентичности и концепциями регионального развития и планирования для того, чтобы рассматривать региональную идентичность как “инструмент планирования”¹³.

В-четвертых, выбор источников эмпирических данных (в зависимости от выбранных рабочих понятий – это могут быть политические документы, выступления региональных лидеров, региональные учебники по истории).

В-пятых, выбор методов сбора и обработки данных (например, социологические, дискурс-анализ и т.д.).

Для изучения региональной идентичности нам необходимо вписать идентичность в определенный пространственно-временной контекст (например, политическое пространство регионов ПФО постсоветской России, в котором предполагается рассмотреть интересы и стратегии элит). Тем самым мы учитываем, разнообразие и изменчивость региональной идентичности.

Перспективным направлением в изучении региональной идентичности на наш взгляд является изучение воспроизводства представлений о регионе посредством объяснения роли культурных и творческих индустрий, во-первых, как цепочки производства, распространения и потребления символических продуктов¹⁴, а, во-вторых, способом коммуникации внутри сообщества. В российском контексте данная проблематика сталкивается с трудностями в виду небольшого числа случаев в отличие от стран Европы (на региональном уровне – это Красноярский и Пермский край, Московская область, на городском уровне – Петрозаводск, Владивосток, Самара), недостаточной проработанности в российской гуманитарной науке способов описания творческих индустрий (отсутствие концептуализации понятия (заимствование западных, прежде всего, британского терминов), механизмов подсчета производства и распределения культурных и символических продуктов, описания роли сообщества и политических элит в формировании стратегий культурной политики).

¹³ Raagmaa G. Regional Identity in Regional Development and Planning // European Planning Studies. - 2002. - Vol.10, №1. - P.55.

¹⁴ Впервые о том, что символическое производство и потребление (символов, образов, смыслов) начинает играть огромную роль в формировании территориальной идентификации заговорили британские социологи С. Лэш и Дж. Урри. Они считают, что изменения в структуре экономики, которые мы можем наблюдать в конце XX века связаны с тем, что материальные продукты экономики приобретают символическую значимость и становятся знаками, а наделение того или иного места смыслами происходит в дискурсах места (Lash S., Urry J. Economies of Signs and Spaces. – L.: Sage, 1994).